

Нить времени проходит через сердце

Нина Целищева

Вот и прочитана, заново осмыслена история старейшего в стране педагогического издания. И прошлое проходит перед нами в контексте двухвековой политической, культурной жизни России, побравшей в себя судьбу многих поколений ярких людей и не менее ярких идей.

На этом фоне мощно и последовательно прослеживаются история развития образования, становления школы и педагогики, идеология века Просвещения. Наши творческие пращурсы отразили этот процесс глубоко, самобытно, с гражданским пониманием роли образования для судеб государства. За каждым их словом, в каждой статье просматриваются лицо времени, лик эпохи. Нам, их потомкам, остаётся сегодня благоговейно преклонить колени перед именами авторов журнала: Василий Жуковский, Александр Суворов, Николай Гоголь, Константин Ушинский, Алексей Кольцов, Измаил Срезневский, Николай Пирогов, Сергей Соловьёв, Дмитрий Менделеев, Пётр Каптерев — дух захватывает от этих имён на все времена! А у времени, как известно, нет границ, нет того конечного пункта, у которого можно остановиться и поставить жирную итоговую точку: всё!..

Эстафету блистательных авторов XIX века подхватили их последователи — авторы века XX: Анатолий Луначарский, Надежда Крупская, Станислав Шацкий, Антон Макаренко, Василий Сухомлинский, Юрий Бабанский, Сергей Образцов, Виктор Розов. Перед этими именами мы так же почтительно склоняем головы и снимаем шляпы.

Нам всем
мерило —
память,
Что нас
переживёт...

Сергей
Поликарпов

Г.В. Фролова

Ф.Ш. Терегулов

...Неуловимое время мчится без остановки, и вот уже педагогическая творческая эстафета передана новому поколению авторов, пришедших на смену и этим недавним, столь же блистательным именам. Авторы нового поколения — наши с вами современники. Пока не классики, ибо большое видится на расстоянии и лицом к лицу — лица не увидать. Но как знать... «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется» в душах и умах потомков.

Сегодня ясно только одно: современные авторы журнала достойно продолжают творческий марафон длиною в два века, отражая самое сущностное, что происходит в жизни, в образовании, в педагогике и в школе. Их взгляд мудр, аналитичен, жизнеутверждающ. Их педагогическая и гражданская позиция исполнена патриотизма, любви к нашей стране, нашей Родине. Не оттого ли даже советская эпоха, казалось бы, уже укоренённая в нашем сознании как сумеречная, тоталитарно-трагичная, вдруг призывно просветлела, отбросила как нечто несущественное, привнесённое идеологией все догмы, «измы» и обнажила свойства, необходимые для нормальной человеческой жизни: социальный оптимизм, способность самоотверженно трудиться, бескорыстную, лишённую мелочно-подлового прагматизма влюблённость в дело. Не оттого ли, перелистывая страницы позднейшей истории журнала, отражённую в главах 16-й, 17-й и 18-й, мы вместе с авторами ощутили некую подкорковую тоску по недавнему прошлому, по недостающему сегодня объекту нашей общей любви — нормальному, некриминальному Отечеству, без хапуг-олигархов, продажно-тусовочных политиков, без криминала и проверки документов у «лиц кавказской национальности». И хотя мало кто сегодня склонен размахивать красными знамёнами у музея Ленина, а наше нынешнее знание истории Октябрьской революции (да и всех революций!) — прекрасное противоядие против ностальгии в её политическом измерении, но безоглядно одобрять, приветствовать всё, что происходит сейчас с нами — с образованием и со страной, — невозможно. В этом тоже убеждают нынешние авторы журнала, глубоко анализируя, выявляя пороки времени и образовательной отрасли. И тем не менее они находят профессионально значимые, прогрессивные идеи, явления, факты, вопреки всему способствующие развитию образования, помогающие работе школы, учителя. На новом витке времени они решают задачу своих исторических предшественников (может, и принципиально не решаемую?): как сделать педагогику максимально эффективной применительно к каждому ребёнку и каждому дать образование высокого качества. И так же, как их предшественники — авторы XIX и XX веков, — они освещают профессиональные проблемы в контексте социокультурной, политической, экономической жизни страны.

Нить времени, его нерв, его аромат, драмы и трагедии проходят через их чуткое, открытое жизни сердце, придавая статьям не только глубоко личностный, но и социально значимый характер, историческую достоверность, профессиональную убедительность. Современные авторы журнала — дети своего времени, по-своему его и отражают — без мелочного брюзжания, с верой в самоценность дарованной нам жизни и общей судьбы в едином для всех пространстве времени. А как известно,

Времена не выбирают —
В них живут и умирают...

Так кто же они, сегодняшние авторы «Народного образования», составляющие актив его летописцев, продолжающих его историю и диалог с читателями в XXI веке? Какие они?

Запрещённые аплодисменты

Учитель

Всероссийский конкурс «Учитель года-1994» набирал силу. На окраине Москвы в известной гуманитарной гимназии конкурсанты давали уроки. В 9-м классе у задних парт чинно расположилось строгое жюри, ни единым мускулом на лице не выражая своего отношения к происходящему, — это запрещено положением о конкурсе.

В класс вошёл большой улыбчивый человек с мягкими манерами сельского интеллигента. Старшеклассников, которые видели его впервые, и присутствующих на этом уроке истории он, похоже, сразу расположил к себе: весь его облик, тон речи говорили о том, что человек основателен, надёжен, душевно прост и сердечен.

Он поздоровался с классом (так, словно всю жизнь в нём преподавал) и... произошла полнейшая неожиданность. Иронично-снихождительные великовозрастные столичные инфанты, сидящие вразвалочку за партами («посмотрим-посмотрим, на что ты способен»), минут через пять инстинктивно поменяли позу, как гуси вытянули шею и с готовностью первоклашек вскидывали руки, даже выкрикивали ответы с мест. Вопросы были глубокие, перекрёстные, требующие активного «включения» головы. Строгое жюри, похоже, тоже увлеклось, даже Эдуард Михайлович Никитин — ректор Академии повышения квалификации — в ответ на остроумное замечание учителя баритонально хохотнул.

За урок успели повторить несколько тем, подискутировать, узнать новое (причём к знанию шли совместно, в постоянном диалоге). До звонка оставалось минут пять, когда учитель тоном рассказчика детективного сюжета поведал о некоем растении, которое дошло до наших дней и которое помогло античному полководцу одержать победу. Попросил класс: «Предположите, о какой битве идёт речь и о каком растении. Жду версий. Можете советаться...»

Ни на одном КВНе, ни на одном телешоу не было такой увлечённой интеллектуальной работы. От возбуждения ребята вскакивали с парт, чуть ли не до потолка тянули руки:

— У нас версия!

— И у нас!

Версии спорили, голоса звенели, как обнажённые шпаги в мушкетёрском поединке, — старшеклассники искали ответ.

Нашли!

Учитель выставил отметки — «за знание темы», «за образительность», «за прочность усвоения», «за активность» — никого не забыл.

— Спасибо за отличную работу, — сказал на прощание.

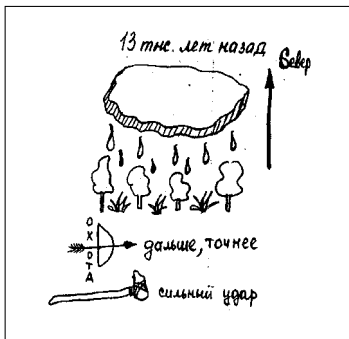
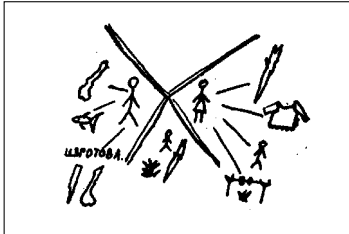
И тут раздался... Нет, не звонок с урока, а громкий всплеск аплодисментов. Запрещённых, но вырвавшихся спонтанно, вопреки всем строгим предписаниям — эмоциональное воздействие педагогического таланта учителя Александра Васильевича Литвинова оказалось сильнее.

...А лет тринадцать тому назад редакционная почта принесла из маленького провинциального городка Лабинска, что на Кубани, конверт со статьёй «Иконические модели на уроках истории» — бесхитростный рассказ о рисунках и схемах, которыми сопровождается изучение этого предмета. Простыми, похожими на детские рисунками автор сопроводил и статью. Журнал проводил в ту пору конкурс методических идей, и материал опубликовали. По правде сказать, это была даже и не статья, а корреспонденция о любопытном методическом приёме. А телеграфное её изложение — «рисунки ведут мысль ученика по пути анализа и синтеза», «иконические модели отражают процесс» — оставляло много вопросов. Но идея запомнилась, и однажды, возвращаясь из командировки в Дагестан, я сделала в Лабинске остановку, чтобы познакомиться с автором публикации в его рабочей стихии.

Первое профессиональное общение с Александром Литвиновым было трудным. Сидела на уроках истории в 5-м и 6-м классах и никак не могла воспринять калейдоскоп его методов, при-

ёмов, самого стиля работы. Были минуты, когда начинало подниматься глухое раздражение: ну чего он актёрствует? А он «извергался», как Везувий, творчески его то и дело «перехлёстывало» через край:

рисовал, изображал исторических деятелей мимикой, жестом; отыгрывал мизансцены (по правде сказать, весьма талантливо), проводил «историческую разминку», жестом циркового фокусника развешивал на доске с помощью магнита картинки, похожие на кадры популярных мультфильмов, и вёл по ним опрос-«перестрелку». Всё это ярко, любопытно, но... невозможно воспринять сходу, соединить в целое эту пёструю композицию уроков...

Утешало в этом действе одно: *ребята прекрасно знали материал. И не только нынешний. Учителю словно доставляло*

удовольствие «бросать» класс в прошлогоднюю тему, по одной дате восстанавливать исторические события, имена деятелей, по отдельным признакам характеризовать ту или иную формацию.

Лишь много позже я поняла: Литвинов не актёрствует и уж тем более не «играет на публику»: этот каскад приёмов для него органичен, естествен, это свойство его личности, отмеченной знаком яркой индивидуальности. На его уроках почти физически ощущалось, как синкретична, всеобъемлюща педагогическая профессия: здесь любое знание, любой «побочный» талант, увлечение — всё в дело, всё ко двору. А у Литвинова талантов и увлечений — хоть отбавляй! И все — на пользу: увлёкся цирком, создал в школе цирковой коллектив — получил диплом. Попробовал свои силы в художественном чтении, увлёк ребят этим искусством — они стали лауреатами всесоюзного смотра художественной самодеятельности. Рисует, поёт. Учителя заговорщически рассказали ещё об одной грани его одарённости: печёт торты. Да какие! Каждый раз — новые и непременно — «с сюрпризом». По большому секрету сообщили: «Рецептов никому не даёт...» А я грешным делом подумала тогда, что у него и нет их, этих рецептов: Литвинов — до мозга костей

импровизатор. Во всём. И в методике. Но в основе всех его методических импровизаций — *эрудиция, совершенно свободное владение материалом, чувство исторического процесса, чётко выверенная педагогическая цель.*

Один из постоянных приёмов — побуждение ребят к участию в исторической ситуации. Вот он даёт задание пятиклассникам: «Придумайте небольшой устный рассказ о себе как о крепостном крестьянине». Вот говорит им: «Я хочу получить письмо из древней Греции». Ему принесли несколько «писем из Афин» — в бутылках, «обросших» ракушками, — ребята оставили эти «послания» у порога его квартиры. В этой игре учителю важно, чтобы какое-то время школьники «провели» в древних Афинах, «прикоснулись» к историческим событиям прошлого.

В 10-й школе, где директорствует Литвинов, многое для того времени было необычным: раскованные дети, свободно выражающие своё мнение, треть класса — консультанты по истории, помогают своим товарищам, ведут опрос в «малых группах», ставят отметки; у многих ребят — красные «пятёрки» (выставлены в журнале и дневнике красной пастой). Одноклассники сказали об этих детях: «Они у нас блистают по истории». Значит, уже в 5-м классе есть представление о той глубине знаний, которая вызывает уважение и к которой все в этой школе стремятся, а учитель всячески поддерживает это стремление. Интерес и успешность как мотивация — великая сила.

Что же касается рисунков, то они на уроках Литвинова — не самоцель. Мысль, запоминающийся образ, который несёт в себе понятие, вот что важно учителю. Ребята разнообразно работают с рисунками, и учитель видит, как они думают, каковы историческая логика, понимание темы. Символические раб с цепями, крепостной крестьянин с серпом прочно входят в память. У Литвинова в работе с этими «иконическими моделями» масса «хитрых» приёмов. Вот он задаёт вопрос: «Надоело крестьянину ходить на барщину и он поломал орудия труда. Как ему жить дальше?» В ответ — мгновенная реакция: полкласса подняли руки: «Это исторически неверно. У крепостных были свои орудия труда, и ломать их они бы не стали. Такой ситуации быть не могло». С помощью рисунков, этих образов-понятий учитель выстраивает целостный исторический сюжет со своими «действию-

ющими лицами», со своей логикой событий, с ощущением того, что было там, в глубине веков. На уроках истории каждый раз происходит маленькое чудо — превращение вялого, скучно-отвлечённого текста учебника («человек изобрёл огонь» — сел на пенёк и изобрёл?) в нечто реальное, сюжетно образное, понятное ребятам: в процессе жизни люди однажды увидели огонь, попробовали его «сохранить», это им было нужно, чтобы выжить...

О том периоде литвиновского творчества журнал «НО» опубликовал несколько его статей под специальной рубрикой «Сто открытий Александра Литвинова» (1994, № 2–3). Редакция получала тогда письма с короткой просьбой: «Дайте, пожалуйста, адрес Литвинова» — его статьи ксерили, ими пользовались. У него было чему поучиться, а главное — как увлечь предметом, как создать на уроке ситуацию успеха. «Верно!» — говорит он по поводу поднятой школьником руки и выставляет отметку (потом он своими «хитрыми» способами десять раз проверит её достоверность). Может поставить две, а то и три «пятёрки» за урок — и не только тому, кто блистает, а кто высказал оригинальное суждение, быстро сообразил.

Методика Литвинова глубоко гуманна, ибо обращена к каждому ребёнку, к его фантазии, к его способностям. При всей своей эмоциональности он сугубо рационален, даже технологически расчётлив, ибо точно знает, как достичь цели. А сознательно культивируемый в себе артистизм для него тоже естествен, ибо Литвинов ещё и эстет: ему нужно научить ребят литературно и исторически грамотно выражать мысли. Вот почему уже с 5-го класса в ответах ребят не услышишь: «Ну, это...», «Значит, ну...» Они начинают так: «Я думаю...», «У меня такое мнение...», «Я бы ответил так...» В этой школе говорят хорошим русским языком. Это уже некая эстетическая система возвращения детского интеллекта: от полноты впечатлений к глубине осмысления, к историзму мышления — вот путь, которым учитель ведёт ребят, увлекая их своим предметом. А его главный «метод» — мастерство, высокая профессиональная и общая культура. И — огромный труд. Труд до седьмого пота. В самом прямом, «грубом» смысле этого слова.

...В 1999 году Сургут принимал 50 финалистов Всероссийского конкурса «Учитель года» разных лет. Для школ города и его окрестностей

это стало своеобразной академией педагогического мастерства — прекрасные учителя съехались в этот северный город из всей страны, чтобы дать уроки. Но даже на таком «звёздном педагогическом небосклоне» Александр Литвинов был признан «звездой» первой величины и при всём честном народе получил символический приз — фигурку Александра Македонского.

...Молва о его уроках очень быстро разнеслась по городу (как известно, людская молва — лучшая реклама), и на историю пришло более 60 учителей. А он, словно никого в классе не было, в первые же минуты установил с десятиклассниками контакт (как ему это удаётся, одному Богу известно), и — легко, без видимого напряжения повёл урок о преемственности и особенностях правления династии дома Романовых. Всё — на основе изученного материала, всё — в рамках программы и всё — на такой глубине обобщений и широте фактов, что при обсуждении урока одна из сургутских учительниц не без зависти, с грустью сказала: «Нам бы так знать историю...»

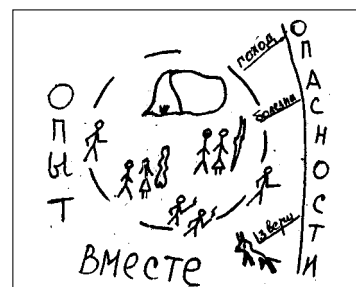
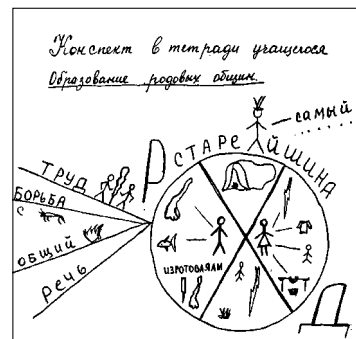
Как не похож был этот «поздний» Литвинов на себя десятилетней давности. И — как похож! По своему обыкновению «бросал» класс в разные периоды истории России, задавал вопросы, погружающие ребят в напряжённую интеллектуальную тишину, а потом разряжал ситуацию исторической задачей, а то и шуткой. А в конце урока сделали выводы — «дописали» свои страницы учебника...

Когда прозвенел звонок, класс продолжал сидеть, никто не потянулся к портфелю. Литвинов, как обычно, поблагодарил ребят за совместную «очень интересную» работу, и тогда-то с разных парт раздалось:

— Задайте нам ещё вопросы!

— А Вы к нам ещё придёте?

Высоченный увалень, вставая с последней парты, изрёк, словно печать поставил:

Иконические модели — опорные схемы урока

— У нас таких уроков сроду не было...

Литвинов улыбался, а его белоснежная со-
рочка (простите за натурализм) дымилась от пота.

Между этими уроками — в Сургуте и теми,
лабинскими, с каскадом приёмов
— словно прошла вечность. Учи-
тель обрёл то мастерство, которое
уже не бросается в глаза, оно ор-
ганично и естественно. Это как в
театре: только статисты заламы-
вают руки, рвут страсти в клочья.
А Вера Пашенная в первом же ак-
те «Женщин Нискавуори» нето-
ропливо вышла на сцену, окинула
взглядом своё хозяйство, слегка
топнула ногой и — у зрительного
зала мурашки по спине побежали.

Так и здесь: кажется — че-
го проще? Встал к учительскому
столу и... Но начни анализиро-
вать — не докопаешься до глубин

этой филигранной педагогической техники. Инстру-
ментовка урока проста, изящна. Сколько вбирает
она способов, приёмов — двадцать? Тридцать? А
может, и вправду все сто? Когда мы говорим или
пишем — разве помним, что пользуемся тридцатью
тремя буквами? Временное пространство литвинов-
ских уроков — 45 минут и вся жизнь. Он дал в
школах Сургута за неделю 8 открытых уроков, на
которые стекалась тьма народу. На такое педагогиче-
ское откровение не отважился никто из его коле-
лег по «звёздному» цеху финалистов конкурса.

С 1992 года в его педагогическую и личную
жизнь прочно вошёл журнал «Народное образова-
ние». Не менее основательно и Литвинов «посе-
лился» в журнале. Его видение проблем год от го-
да становилось всё глубже и шире. Он уже давно
перерос иконические модели (хотя и не отказался
от них) и теперь искал новые приёмы приблизить
историю к детям. Он проводит «уроки на кухне»,
«на овощной грядке», «на школьном дворе», пока-
зывая классу, что нас всюду окружает история,
что исторический процесс бесконечен. Он ведёт ре-
бят на пустынный берег реки, и на несколько ча-
сов они становятся «первобытными людьми»: до-
бывают огонь, ищут способ приготовить пищу без
газовой плиты и посуды, изготавливают «орудия
труда», с помощью которых обрабатывают «поле»
для посева, строят «жилище».

В своих статьях он исследует такие актуаль-
ные педагогические проблемы, как возможности
урока («Космическое пространство урока» — НО,
1996, № 2), коммуникативная культура учителя
как профессиональная составляющая («Без окрика
и стука кулаком» — 1995, № 1, «Доброты никог-
да не бывает много» — 1997, № 5), осмысливает
управленческие проблемы («О чём может расска-
зать классный журнал» — 1999, № 1–2, «Повсед-
невные дела руководителя» — 1998, № 7–8).

Сегодня у Литвинова за плечами — автор-
ские курсы, проведённые в двадцати городах
Краснодарского края, в Ханты-Мансийске, в Эли-
сте, в Эстонской Республике, в Адыгее, Ингуше-
тии и Подмоскowie. А ещё — 250 открытых уро-
ков в 30 городах, не считая Грин Гов Спрингс,
Оранж Парк и Майами (США), где он месяц про-
вёл со своими учениками как победитель конкур-
са исследователей педагогики мира. Таково его
нормальное профессиональное бытие.

В его творческом багаже — около сотни
публикаций, в том числе более 30 — в журнале
«Народное образование». Бренд журнала красует-
ся и на его книге «История становится ближе.
Задачник по истории», изданной в 1996 году и
ставшей уже библиографической редкостью.

С такой оснасткой можно пускаться в лю-
бое плавание. И Литвинов дерзает: два дня да-
вал уроки истории в 825-й московской школе
(«У самого Караковского!»), которая на десяти-
летия стала магнитом для сотен учителей стра-
ны. И — ни одной фальшивой ноты, ни намёка
на стремление понравиться столичным колле-
гам. Всё естественно, как всегда — легко, глу-
боко, импровизационно. Пожалуй, лишь корот-
кий эпизод одного из уроков был не
импровизацией, а заранее заготовленным сюжет-
том. На заключительном этапе спросил у пяти-
классников: «Что дошло до нас со времён Древ-
него Китая?» (Темой было «Рабовладение в
государствах древнего мира».)

Взметнулась первая рука:

— Чай!

И пятиклассница получила вполне заслу-
женный приз «за готовность памяти» — пачку
краснодарского чая.

Член-корреспондент РАО Владимир Абра-
мович Караковский, несмотря на предэкзамени-
ционную занятость, от начала до конца сидел на

Книга изданная
редакцией
«Народное
образование»
1996 г.

уроках Литвинова и при их обсуждении сказал: «Для меня учитель проявляется в деталях. С удовольствием взял бы Вас в свою школу...»

К человеку удачливому (а ими бывают только люди трудолюбивые) судьба, как известно, благосклонна. В Подмосковном Королёве после курсов Литвинова пригласили в известный всему миру Центр управления полётами. И надо же такому случиться: в этот день шла прямая телевизионная связь с космонавтами, ЦУП был переполнен журналистами центральных газет, радио, ТВ. Но начальник службы информирования общественности Всеволод Петрович Ла-

тышев, узнав, что среди гостей учитель из провинции, дал ему микрофон и разрешил задать космонавтам два вопроса (журналисты задавали только один). Шесть минут длился этот уникальный незабываемый диалог: «учитель — Космос». Такие минуты западают в душу на всю оставшуюся жизнь...

Таков он, наш постоянный автор из маленького провинциального городка, что на Кубани, Александр Литвинов — заслуженный учитель школы Российской Федерации, лауреат премии Президента России, член редколлегии журнала «Народное образование».

«После уроков — у меня защита...»

Академик

Однажды, придя в редакцию с очередной статьёй, он не без удовольствия показал нам стихи, набранные на компьютере и с ученической тщательностью оформленные рамкой, виньеткой и всяческими «феничками». Стихи, прямо скажем, не пушкинские, и мыслью отличались не очень сложной, но искренней и даже трогательной:

Бурлит Урай замороженный:
Поташник вновь приехал к нам...

Эти шуточные строки от имени «благодарных педагогов Урая» посвятил Марку Максиминовичу Поташнику учитель Григорий Пономарёв. Подобные чувства могли бы выразить действительно члену Российской Академии образования директора школ и учителя Башкортостана, Калмыкии, Татарстана, Карелии, Удмуртии, Саха (Якутии), Кабардино-Балкарии, 17 украинских областей и ещё около 70 городов — краевых и областных центров и маленьких уездных, таких, как Кинешма, Новая Ляля, Куса.

Согласитесь: удивительный и, пожалуй, уникальный для учёного феномен — такая обширная география научно-пропагандистских поездок. Да простится мне этот термин, в котором почему-то слышат только отзвук тоталитаризма. А он уже

давным-давно обслуживает идеологию либерализма с его политическим пиаром, самозабвенным сервизмом по отношению к власти и «сильным мира сего», с прежней нетерпимостью к инакомыслию, от чего, как и в прежние времена, смертельно устало общество...

Так вот о феномене учёного. Гораздо привычнее видеть иное: в лучшем случае — одна-две экспериментальные школы, изредка участие в семинаре или конференции (непреренно — в

президиуме). Говорю это не в упрёк другим действительным членам РАО (среди которых, увы, немало и «страдательных») — в конце концов каждый волен выбирать траекторию жизни. Говорю в порядке констатации факта да ещё по причине довольно длительного общения с учёными трудами, во многих из которых жизнь предстаёт словно с высоты птичьего полёта: где-то там внизу еле мелькают, как огоньки из иллюминатора авиалайнера в ночном полёте, школы, учителя со своими не видимыми и не слышными на таком расстоянии проблемами...

Марк Поташник счастливо сочетает в себе дар учёного-исследователя и пропагандиста научных идей. И с возрастом не утратил «охоту к перемене мест». Он профессионально и человечески любопытен, ему интересны учителя, директора, школы, региональные системы образования, он искренне хочет собрать учителей и руководителей школ под свои знамёна, поделиться тем, чем владеет. А потому никогда не парит на ковре-самолёте абстракций. Его научное, творческое пространство — вся Россия и её школы с их проблемами, болью, с бессребрениками-учителями, энтузиазм и добросовестность которых не могут погасить никакие реструктуризации, модернизации, глобализации и прочая демагогическая муть, ничего общего не имеющая с реальным улучшением школьного дела.

В своей научной и человеческой открытости учительству Поташник находит горячий отклик. На его лекции собирается от 350–400 человек (в небольшом городе) до полутора тысяч. За последние годы эта «личная статистика» достигла суммарного показателя тысяч в 50. А как его слушают, была тому свидетелем. Лет десять назад мы неожиданно встретились в Ижевске: я была там в командировке, а он читал лекции. Из любопытства решила часок его послушать.

В зале человек 800, никакой регистрации, никакой «обязаловки» — уходи, если неинтересно, если с трибуны зазвучит наукообразная ахинея. Но ахинея не звучала. Лектор говорил по существу, с убедительными примерами, с неожиданными ассоциациями, широкими обобщениями. Рядом даже не то, что говорил Поташник, а как он общался с учителями. За трибуной стоял не мэтр, надувающий щёки от собственной значимости, а коллега сидящих в зале. Только гораздо больше

знающий, имеющий за душой нечто такое, что интересно всем. Тонко и кстати он острит, приводил такие примеры, что зал то и дело хватался за животики от смеха, а порой и взрывался аплодисментами. Отведённый на это «мероприятие» мой часок растянулся на полдня, хотелось и дальше продлить удовольствие, да время в командировке очень спрессовано. Из той поездки я вынесла очень важное для себя понимание: *в сущности, вся педагогическая наука, все учёные звания — академиков, докторов, профессоров — придуманы ради этих вот людей, каждый день по звонку открывающих двери класса. И продуктивность научной мысли и деятельности определяется только одним — нужно ли это, полезно, интересно ли практикам — будь то фундаментальное исследование или научно-методические рекомендации.* Если не интересно и бесполезно, то научные труды будут в гордой неприкосновенности пылиться на академических полках и их в конце концов охотно начнут... грызть мыши.

Постоянный интерес к людям, к практике и послужил основой 30 книг, написанных Марком Поташником (некоторые — в соавторстве). Пусть не ответили они на все жгучие вопросы профессии, но, бесспорно, отразили актуальные проблемы образования: «Оптимизация педагогического процесса». В вопросах и ответах» (в соавторстве с академиком Ю.К. Бабанским, 1984 г.), «Инновационные школы России: становление и развитие» (1996 г.), «Управление современной школой» (в соавторстве с доктором педагогических наук Александром Моисеевым, 1997 г.), «Управление качеством образования в вопросах и ответах» (2002 г.) и другие. Не скрою: приятно, что последняя книга появилась в результате его общения с редакцией — в деловой беседе родилась идея, которую он и реализовал.

А наряду с лекциями — оппонирование диссертаций, причём не тех, «научный» потенциал которых сводится к выяснению влияния рыбьих хвостов на волнение в океане, а работ проблемных и даже конфликтных. Помню, как, приехав из Казани, где защищался Сергей Амирханович Гильманов (ныне ректор Ханты-Мансийского государственного университета), Марк Максимович взволнованно рассказывал:

— Интереснейшая работа о педагогической интуиции учителя. Ведь это одна из важнейших сторон профессионального мастерства, общей и пе-

дагогической культуры. Но чем измерить это качество? Можно ли его в себе возвращать? И как? Дашь ли на эти вопросы определённый ответ? Но это стало причиной нападков на Гильманова...

И горячо советовал:

— Закажите ему статью!

Заказали. Опубликовали. Очень интересная была публикация (НО, 1999, № 1—2).

Это ещё одно прекрасное качество Марка Поташника, которое я называю профессиональным альтруизмом: откуда бы он ни приехал, непременно расскажет не только о хорошем директоре школы, руководителе управления образования, но не забудет добавить: «Запишите адрес и телефон». В редакционной базе и в моём деловом блокноте не меньше 20 адресов, «подаренных» Марком Максимовичем: Владимир Борисович Юсупов (Свердловская область), Михаил Васильевич Артюхов (г. Новокузнецк), Павел Васильевич Люкин (село Чекан Увинского района Республики Удмуртия), Ирина Кенсариновна Сидорова (г. Муравленко Ямало-Ненецкого автономного округа), Алексей Захарович Андрейко (Карелия) и многие другие. Их статьи или же рассказы о них появлялись на страницах журнала.

В его отношении к талантливым директорам школ и учителям есть совершенно трогательный (для меня, по крайней мере) аспект, который перенять бы нашим Большим и очень Большим начальникам: забота о людях, человеческое участие в их судьбе, стремление хотя бы общественным признанием компенсировать тяготы их адского труда с перегрузками, вечной нехваткой времени и символической оплатой. После поездки рассказывает с возмущением:

— Прекрасный директор, в высшей степени грамотный управленец. Спрашиваю начальника управления: почему до сих пор не имеет звания заслуженного учителя? И слышу в ответ: «Молодо ещё, мне вон 50, и то у меня нет этого звания».

Я понимаю возмущение Поташника. В этом — наша хронически-заскорузлая болезнь административного хамства по отношению к людям. Наши начальники (различных рангов) поднаторели только в том, чтобы требовать: «обязан», «должен», «отчитайтесь»... А много ли приказов по школе, по управлению образования с благодарностью учителю — за инициативу, трудолюбие, за удачно проведённую олимпиаду, урок, классный час? Часто

ли не «к дате», а «просто так» благодарит директор — учителя, начальник управления — директора, министр — начальника управления? Грустно и больно об этом писать, но, похоже, мы способны сказать добрые слова о человеке только в ритуальных речах, когда они ему... уже не нужны.

...Как-то рассказал об учительнице истории из Ленинградской области:

— Сидел на нескольких её уроках — одно удовольствие. Спрашиваю у директора: почему ничем до сих пор не отмечен такой учитель? «А что в ней особенного?» — отвечает...

Проходило время, я уже забывала о таких разговорах, а он через полгода-год звонит:

— Помните, рассказывал о директоре? Дали ему заслуженного по моему ходатайству!

За много лет я насчитала добрый десяток таких ситуаций, Поташник уточнил: 26.

Господа академики, доктора и профессора! У кого-нибудь из вас есть подобный «лицевой» счёт? Если есть, сообщите, пожалуйста! Напишем об этом как о важнейшей гражданской миссии учёного — работать во благо тех, ради кого вы и занимаетесь наукой, благодаря кому носите ваши высокие научные титулы.

...Позвонил как-то поздно вечером и — радостным голосом:

— Вы знаете о том, что Лошакова защитила докторскую?

Я не знала. Искренне порадовалась за Тамару Фёдоровну — умнейшую женщину, в недавнем прошлом прекрасного директора 4-й Сургутской гимназии. Послала ей поздравление.

За годы сотрудничества Марка Поташника с «Народным образованием» в журнале опубликовано около ста его статей. И сегодня, когда, казалось бы, зачем ему, имеющему более 250 публикаций, ещё одна статья в журнале? Что прибавит она к его научному багажу, к его популярности, востребованности?

Но она нужна ему, эта очередная статья. Ибо он знает: нужна и другим людям, и делу — его и нашему общему. И, конечно, журналу. В его статьях на сугубо профессиональные темы присутствует много интересных людей, которые своим умом, душой, руками делают важнейшее для страны дело. В них напряжённо пульсирует жизнь, они согреты живым чувством. В прошлом году, когда готовился 6-й номер журнала, в на-

шей редакционной комнате невольно воцарилось скорбное молчание — мы вычитывали вёрстку статьи с его рассказом о Будённовске — «городе чёрных платков», пережившем одну из самых страшных трагедий нашего времени. И вспоминали меткую, поэтически точную формулу Константина Симонова: «Чужого горя не бывает...»

Пристальное внимание к жизни регионов, постоянное общение с учителями и директорами школ даёт Марку Поташнику не только пищу для раздумий, темы для книг и статей, но и придаёт ему силы, которых — чего уж лукавить? — становится всё меньше. И никуда от этого не деться: если бы молодость знала, если бы старость могла!.. Хотя применительно к таким людям, как Поташник, понятие «старость» просто не приложимо: мудр и сед — не более того! А в творческой его активности можно убедиться, открыв 1-й, 2-й, 5-й, 6-й, 8-й и 10-й выпуски журнала за прошлый год.

...Между этим последним номером и временем, когда студент 2-го курса химфака МГУ впервые вошёл в школу, прошла целая жизнь. Счастливая жизнь!

Ему очень везло на хороших людей, которые в разное время становились его наставниками. Первой была Алла Васильевна Цветкова, директор 58-й московской школы. Вот она, вечная игра его величества случая: на ту пору в школе не было учителя химии. Алла Васильевна предложила ему вести 10 часов, ещё и щедро добавила часы... ночного сторожа. И — прощай, химическая кинетика, которой предстояло заниматься по окончании университета! Отныне у Марка Поташника — новое увлечение, хотя и очень нелёгкое: не по своей добросовестности мог он позволить себе работать плохо, да ещё когда директор посещает чуть ли не каждый урок. Но каждое её посещение — как институт усовершенствования.

Университет он закончил успешно, экзамены сдавал доценту Михаилу Алексеичу Прокофьеву — будущему министру просвещения СССР. В 58-й школе сделал свой окончательный профессиональный выбор: педагогика.

Из 58-й его «увёл» Семён Ефимович Хозе — один из самых известных в то время директоров столичных школ. А прельстил обещанием: «Будете делать, что хотите» и взял завучем. Тогда ещё не была введена должность организатора внеклассной и внешкольной воспитательной рабо-

ты, и Поташник «попал под эксперимент». Он действительно делал, что хотел и что мог, — и всё это очень нужно было школе, детям. Работал истово, с увлечением, талантливо — Семён Ефимович Хозе умел подбирать кадры.

В ту пору Поташник напоминал каплю ртути — стремительные движения, мгновенная реакция, постоянно окружён табуном школьников. Взять у него интервью было очень сложно: поминутно он кому-то «надобился». Каждый день — с утра и допоздна в окружении ребят, учителей. А параллельно шла серьёзная научная работа — осмысление того, что происходило в школе.

Как-то коллега молодого организатора Тамара Георгиевна Маркина попросила его после уроков собрать отрядных вожатых для «мозгового штурма». Он ответил: «Сегодня, извините, не смогу: после уроков у меня защита». Так, прямо из школы, не переодев костюма, предстал он перед учёным советом и успешно защитил кандидатскую диссертацию.

Опыт работы в 345-й вылился в книгу «Организатор внеклассной и внешкольной воспитательной работы: содержание и методы деятельности». Тогда же появилась и его первая статья в журнале «НО», посвящённая работе с «трудными» подростками («Успех дела — в единстве позиции», 1971 г.). С тех пор вот... И до сих пор!

В 1972 году состоялась встреча — судьбоносная, как теперь говорят, — с Юрием Константиновичем Бабанским. Человек потрясающей работоспособности, организованности, нравственной «чистоты линий», Бабанский включил молодых сотрудников в суровую научную школу — никакой синекуры, никаких льгот, только работа до седьмого пота. Самые высокие требования он предъявлял, прежде всего, к себе, поэтому у него было полное моральное право требовать самоотверженного труда от других. Спросил как-то у дочери: «Ты что слоняешься без дела?» Она засмеялась: «Папа, сегодня же Новый год!» «Ну и что? Тебе нечего делать в Новом году?» Ни на один день не мог он позволить себе стать беспечным. Этому и учил молодых сотрудников лаборатории.

Многое в Поташнике осталось от общения с этим незаурядным, кристальным человеком. Иногда в беседах мы вспоминаем Юрия Константиновича (я — как моего институтского педагога, а позже — автора; Марк — как научного настав-

ника и коллегу), и всегда он заканчивает разговор одним и тем же:

— Светлый был человек... Редкостной сости. Сейчас таких нет.

Думаю, что именно академик АПН Юрий Константинович Бабанский передал Поташнику в духовное наследство полную непохожесть на бесплодно-валяжную академическую знать, которой по большому счёту нет никакого дела до того, что там происходит в этой вечно замотанной школе...

А шуточные стихи, с которых я начала рассказ о Марке Максимовиче Поташнике, уральский учитель Г. Пономарёв закончил так:

Одна лишь мысль душу берёт:
Вдруг к нам он больше не придет?

Да придет, уважаемый коллега, ещё как придет! Дал бы ему Бог здоровья, а уж профессиональной энергии и неугасающего интереса к учителям и школе ему хватит ещё на пол-России...

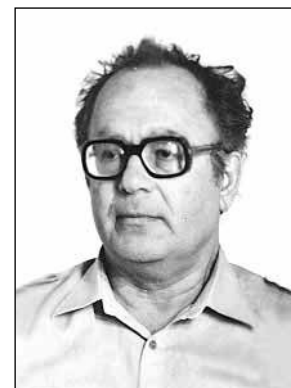
«И ничему нет повторенья...»

Методист

Когда с печати была снята могильная плита цензуры и всевидящее, недрёманое око «лито» (так изящно именовали себя цензоры) перестало указывать журналистам и издателям, о чём можно и нельзя писать, — все долго и бурно аплодировали. Но прошло несколько лет, и мы поняли, что стали жертвой собственной мечты о диктатуре свободы слова. Мы забыли о том, что свобода — привилегия общества граждански и нравственно зрелого, людей с высокой культурой, понимающих, что в свободе — столько же и несвободы, внутренних нравственных ограничений. И освобождённая российская редакционно-издательская река потащила в себя весь мусор. Поток халтуры в компьютерно-глянцевых обложках, с которых смотрят в основном гуманоиды и девицы с выползающими из декольте необъятными бюстами, привели в некоторое смятение здоровую часть общества и, в частности, учителей. Эта «продукция» заняла место в портфелях многих старшеклассников. Литература и кино стали злыми, бесчеловечными, унижающими публику, во многих книгах ключом забила жизнь ниже пояса, сюжеты опустились до уровня непроходимого криминально-бытового идиотизма. Попробуй убеди школьников, что это чтиво, весь этот киносуррогат — тусклый образчик антиискусства, антикультуры, разрушающих человека. Иммуитет против пошлости выработать так же трудно, как и против СПИДа...

Способ, как это сделать, давным-давно известен: заполнить пространство души классическими образцами, с малых лет воспитывать хороший вкус — самое надёжное лекарство против эстетической и этической неразборчивости. Этому посвящает свою жизнь и своё перо наш давний автор, старейшина цеха методистов страны Илья Аркин. Это имя хорошо известно словесникам столичной области: долгие годы Илья Иосифович заведовал кабинетом русского языка и литературы в Московском областном институте усовершенствования учителей. Его публикации в журнале «Народное образование», в «Учительской газете», в «Литературке» и других изданиях часто становились педагогическим событием, вызвали жаркую, даже ожесточённую полемику. Потому что методист Аркин откликается на самые жгучие проблемы, находящиеся на стремнине нашей профессии.

...Десятилетия учительство страны с огромным трудом разжимало тиски многочисленных инструкций, сдавливающих его профессиональное дыхание. С перестройкой пришла долгожданная творческая свобода — делай, что хочешь! Но, как и свобода печати, она привела ко многим профессиональным и нравственным перекосам. С середи-

ны 80-х годов самыми модными стали слова «новации», «новатор». Как знамя они, бесспорно, сыграли в то время свою роль — катализатора учительского творчества. Но школа наивно поверила в решение с их помощью всех проблем в одночасье. Сотни учителей и методистов трудились над педагогическим дизайном всевозможных новаций, дабы придать им достойные мифа величие и эффективность (об эффективности никто тогда не думал, как говорит украинская пословица, «хоть гирше, та инше»). Профессиональная газета на несколько лет отдала свои страницы мифологемам, поддерживая в учительстве иллюзорную надежду: стоит начать работать по-новому — и всё пойдёт как по маслу! А по-новому — значило по Шаталову, по Ильину, по Лысенковой. И никак иначе! Словом, от одних «указивок» перешли к другим, не менее, впрочем, категоричным.

В те годы журнал «Народное образование» — один из немногих, кто не поддавался этой наивной идее спасения школы, образования «в короткие сроки» с помощью неких «инноваций», появившихся, как грибы после дождя. Журнал занял достаточно консервативную позицию (за что, кстати, подвергался обструкции) во многом благодаря своим авторам, одним из которых и был Илья Аркин. В этом бурлящем котле всеобщего восхваления новаций и новаторов и всеобщего низвержения традиционной школы он сохранил трезвую голову, адекватность оценок, позицию профессионала, понимающего иллюзорность ожидания быстрого и неременного успеха от наскоро составленных учительских программ, банальных, бюрократическим языком написанных парадигм, миссий, концепций.

В те годы Илья Аркин опубликовал в журнале статью, отрезвляющую, как огуречный рассол в тяжёлом похмелье, — «Методика обновления, или Игрища дилетантов». Основной вопрос статьи — «отвечают ли темпераментные инновации потребностям времени?» Автор призывал «осмыслить поток новаторских идей, а не восклицать одержимо: «Ура! Победа будет за нами!» Он дал глубочайший анализ, показал пагубность ситуации, когда на смену диктату методистов пришёл журналистский произвол: если учитель не разделял восторги по поводу «официально объявленных» новаторов, его клеймили «ретроградом», навешивали уничижительные ярлыки. Оказывается, «почти пре-

ступно несмирение перед талантом», а «невосхищение талантами — признак глубокой сердечной безграмотности, ... душевный бюрократизм».

Вот так прогрессисты-журналисты расправлялись с теми, кто посмел усомниться в их позиции! Таковы были «демократические» способы внедрения в сознание учительства «вируса разрушения», подкреплённые гневным окриком: не смей своё суждение иметь! Против этого и выступил Аркин.

Спорить с ним было трудно. В первую очередь, потому, что он профессионал высокого класса: лапшу на уши в какой угодно пафосной упаковке ему не навешивают — стряхнёт мгновенно: «Подражание, эпигонство, «следование образцу», школярское списывание прикрываются лозунгом «свободы учительского творчества». В этом видел он особую опасность и предостерегал: «Педагогические явления, которые кажутся очевидными, неизбежно и естественно подвергаются оценке с разных точек зрения. К тому же очевидное легко оборачивается самообманом».

Илья Аркин с провидчеством профессионала предсказал развитие ситуации: вслед за шумными газетными репортажами и телевизионными педагогическими шоу стали раздаваться громкие голоса сомневающихся. «И это естественно: рано или поздно шок от новаций проходит, наступает время анализа — спокойного, взвешенного, ибо из всех определений человека сегодня всё большее значение приобретает человек знающий», — писал он. На эту острейшую полемическую статью никто не ответил ни Аркину, ни журналу: нечего было сказать. Камня на камне не оставил он от «демократически-зубодробительной» расправы с учительским инакомыслием, от подмены одного диктата другим.

Методист высокого класса, он прекрасно знает все тонкости работы учителя-словесника. К тому же обладает редкостной способностью к абсолютному владению словом. Может быть, поэтому самая сильная творческая черта нашего давнего постоянного автора — умение интересно писать о том, что человек делает, о человеке в его профессии. За эту способность его очень высоко ценил бывший главный редактор «Народного образования» Владимир Ермолаев и хотел невозможного: чтобы в каждом номере появлялись педагогические очерки, содержание которых —

учительское дело со всеми его тонкостями... Согласитесь: это самое трудное — писать о повседневности, обыденности, без интриг, острых сюжетов и писать технологично, профессионально, увлекательно. А то и драматично. О пьесах Чехова его современник говаривал: в них ничего не происходит, люди ходят, говорят, пьют чай и... стреляются.

Для меня современным литературным образцом в этом смысле стал Артур Хейли. Помните, каким художественным открытием были для нас в 70-е годы его впервые переведённые на русский язык романы — «Аэропорт», «Отель», «Колёса»? В них нет на первый взгляд никакой динамики, ничего особенного не происходит: люди делают своё дело, о чём почти хроникально нам рассказывают. Но когда к самому обыденному прикасается талант, то даже в «скучной» повседневности открываются такие глубины, такой внутренний драматизм, что иные детективы в сравнении с этим — тоска зелёная.

Конечно, всякое сравнение хромает, как справедливо заметил В.И. Ленин. Но творческая манера Ильи Иосифовича Аркина вот уже многие годы ассоциируется у меня с мастерством Хейли. Блестящее знание учительской профессии, всех её тонкостей, нюансов освещается глубочайшей любовью методиста к русскому языку и литературе. Аркин становится беспощадно-гневым, когда встречается с бездушным препариованием живого языка или литературного произведения. У него это вызывает прямо-таки зубную боль, и из-под его пера выходят «сатиры в духе Ювенала».

Вот он пишет о «новаторском» уроке литературы, на котором учитель побудил ребят устроить нравственный суд над Есениным за то, что он «очутился в узком промежутке» — и со старой Русью, и с новой: «Трагическая тема есенинского творчества в результате усилий учителя предстала перед десятиклассниками как цепь непростительных и досадных «ошибок». Они поймали поэта на обнажённой искренности, которая тут же засвидетельствовала его слабости, политическую незрелость и нечётко выбранную жизненную позицию. На поэта составляется... «досье».

Что же произошло на есенинском уроке? Ученики не учатся слышать, чувствовать и понимать поэтическое слово, поскольку оно начисто

исключается из их духовных потребностей, литература как искусство перестаёт быть необходимой подрастающему человеку...»

А вот приговор Аркина «новаторскому» уроку русского языка. «Учительница без тени сомнения осуществляет избранную методику: «...Интерес к уроку зависит от выбора учебного материала. Он должен быть интересный, живой, разнообразный, чтобы можно было поговорить на самые разные волнующие детей проблемы (речь идёт о начальной школе. — *Н.Ц.*): о дружбе и товариществе, об отношении к труду, людям, природе». Хотелось бы спросить учительницу: что даст детям, кроме привычки к пустословию, такой «нравственный разговор»? Высокие нравственные идеалы заключены в самом языке, во владении им... Вы не пробовали вместо разбора слова по составу попросить ребят рассказать о смысле слова, объяснить его строение, чтобы постичь необходимость слова, его живую душу? Но до сих пор мы привыкли полагать, что грамматика — это и есть язык, и оцениваем подобную позицию как творческий, более того — новаторский опыт...» И советует учителям: «Если мы преодолеем новаторские амбиции и вернёмся в наш классический XIX век, сегодняшний словесник, уверен, откроет тайны не только родного языка, но и его преподавания... благодаря книгам старых-престарых учёных Ф.И. Буслаева, И.И. Срезневского «О преподавании отечественного языка», «Об изучении русского языка вообще и особенно в детском возрасте... «Новаторская» методика по-своему воспроизводит снобистское отношение к классике... Резонно ли мистифицировать вокруг «новой методики», чтобы вместе с нею оказаться в тупике?»

И совершенно иным мы видим Аркина, когда он пишет об учителе талантливом, вдумчивом, прекрасно образованном: «Приходилось ли вам слышать из уст четвероклассников имя Василия Андреевича Жуковского? Да, вот так запросто — имя, отчество, фамилию, словно поэт начала прошлого века (речь о статье 1989 г. — *Н.Ц.*) — старый знакомый?.. Постараюсь не утомить читателя стенограммой урока, ограничусь лишь несколькими ученическими фразами.

— Я хочу показать свой вариант чтения.

— Здесь звуки создают образ... Это цветное прилагательное, оно рисует...

— Слово «распутица» начинается с «пути»...

...Меня обычно перебивают раздражённым: «Это цитаты из гениальных учеников спецшколы? Нашли чем удивить!..»

И всё-таки удивляться есть чему. Я цитировал не юных интеллектуалов столичной спецшколы, а сельских четвероклашек. Их можно увидеть и услышать (и стоить!), добравшись в глубь Серпуховского района Подмосковья до деревни Мурово и побывав на уроках Татьяны Викторовны Петуховой.

...Класс не только объясняет, но и оценивает — эстетически оценивает! — слово, строку, художественный текст. А там, где эстетическая оценка, — непременно взыскательность вкуса, строгая избирательность, то чувство «соразмерности и соразмерности», в котором Пушкин видел признак подлинного языкового вкуса. Отсюда один шаг до воспитания редчайшего качества, вне которого вряд ли можно говорить о владении языком — языковой интуиции. В этом смысл опыта Татьяны Викторовны. Читает ли она в классе тютчевское «Чародейкою зимою», или есенинское «Заколдован невидимкой, дремлет лес под сказку сна», или пушкинское «Под голубыми небесами», она непременно попросит учеников уловить тайну образа, объяснить, чем их «околдовали» строки поэта.

...Вдруг спросила ребят: «Какой глагол чаще употребляется в художественной, а какой в разговорной речи: «блестеть» и «блистать» и как бы вы определили своеобразие последнего?»

...Попросила уточнить по словарю употребление прилагательных «немудрый», «немудрённый», «немудрящий»...

...Она не боится трудных, даже изысканных текстов, приучая читать и слышать высокое искусство, понимать язык сложных художественных образов. Для Татьяны Викторовны немислимы уроки русского языка вне чтения, искусства чтения. Она предпочитает целостно-эстетический подход к чтению, основанный на психологии восприятия произведения, на субъективном отклике ученика (каждого в отдельности!) на слово писателя.

...Литературное творчество становится для учеников Петуховой потребностью. Учительница не без основания скажет об одном из юных авторов: «Алёша сегодня второй Паустовский» (за рассказ о родном крае). Из-под пера Лены Пчёлкиной вышли строки, где непроизвольное подражание соседствует с неповторимо наивными, своими образами.

Берёза белокурая
Со снегом на ветвях,
Шепчет она рожице
О вьюге на полях...

Татьяна Викторовна часто включает в уроки «самодиктант», «письмо наизусть». Причём исходят эти тексты от ребят. Они охотно учат наизусть и стихи, и прозу... Поэтические вершины и прозаические будни словесника сомкнулись в опыте Т.В. Петуховой». Статью Илья Аркин заканчивает простой и убедительной «формулой новаторства», которую вывел поэт Наум Коржавин: «Я твёрдо убеждён, что всё хорошее — новое, и совсем не убеждён, что всё новое — хорошее. А то, что стремится быть новым, — априори плохое...»

Ради Бога, простите за столь длинную цитату «из Аркина». Четырнадцать лет назад написано это в статье «Возрождение главного предмета, или О том, как в обычной сельской школе учат русскому языку». Кто может сказать, что мысли её устарели?

Вот он оценивает современное состояние культуры речи: «Нередко это псевдоязык, суррогат, разрушающий природное чувство языка, присущее каждому ребёнку. Модная нынче языковая неразборчивость вплоть до откровенной безграмотности и пошлости — это приобретение взрослое, которое начинается со школы, с учителя...»

Вот рассуждает о «дефиците профессионализма»: «Дилетантизм — это интеллектуальный и нравственный выбор, это... верхоглядство как сознательная и достаточно активная позиция. И — претензия... Игра в эрудицию — традиционное развлечение дилетантов. Не забыть бы, что дефицит профессионализма, достигнув «критической массы», переходит в новое качество, имя которому — шарлатанство».

Вот размышляет о проблемах управления с точки зрения профессионализма: «Я мог бы привести немало примеров «массового» недовольства учителей талантливым, блистательным директором. Именно потому, что он талантлив, образован и с ним работать непросто. Учителю «ничто человеческое не чуждо», в том числе ограниченность, самоуспокоенность, а случается — лень и невежество».

Безошибочно, тонким чутьём профессионала распознавал он,

Где боль, где страсть,
Где просто поза,
А где свобода и полёт...

Во всех своих статьях Илья Аркин пишет об одном — о школе, о личности учителя, о преподавателях русского языка и литературы. Но на этом «ограниченном пространстве» он широк, многогранен, тонко технологичен, философичен. И ни в одной статье — «ничему нет повторенья...». Его нет, потому что исходил он, изъездил вдоль и поперёк «подведомственную» ему территорию, знает по именам практически всех словесников Подмосковья. Многие учителя старшего поколения благодарны ему за внимание к их труду, за товарищескую помощь, за науку. Нет повторений в его статьях ещё и потому, что присуще ему прекрасное публицистическое, исследовательское перо, помогающее вскрывать такие профессиональные аспекты, о которых мы и не догадывались! Что и говорить, умеет наш автор слово «дивно молвить».

Недавно Илья Аркин выступил в «Литературной газете» с блестящим анализом современных учебников литературы. Было обидно, что статья появилась не в нашем журнале. Но идею она «подбросила» — поговорить о современном литературном образовании. Илья Иосифович согласился написать для журнала эту статью, так что мы ещё будем иметь удовольствие читать патриарха методического корпуса страны, который продолжает благородную миссию своих предшественников — авторов журнала XIX века. Статьи на методические темы регулярно появлялись на страницах журнала. О преподавании языка, об изучении произведений А.С. Пушкина, о самом творчестве поэта, о пробуждении в детях чувства прекрасного с помощью художественного слова. Часть из этих статей опубликована в этом выпуске журнала, и вы можете убедиться в профессиональной культуре российских методистов, которые до сих пор во многих отношениях остаются неким непревзойдённым образцом.

«К тому предназначила его природа»...

Мыслитель

Уже полгода, как его нет с нами...

Но до сих пор рука по привычке тянется к телефону, от коллег постоянно слышишь: «Как говорит Кумарин», «как пишет Кумарин» — именно так, в настоящем времени. Полгода не появляются в журнале рубрики «Педагогическая академия» и «Новое в науках о человеке» — нет пока ему замены. И не будет. Это будут уже другие рубрики, с иным наполнением, хотя и с тем же названием... Пустоту, которую мы ощутили со смертью Старче (так звали мы его в редакции), не возместит никто. Его статьи очень многое значили в содержании журнала, в его идеологии и, мы уверены, активно влияли (и ещё будут долго влиять) на происходящие в практике процессы.

Валентин Кумарин — учёный с безошибочным чутьём того, что есть наука, а что подмена её набором стереотипно-ремесленных,

мнимозначительных, пустопорожних фраз. Ответом на подобные имитации, которых нынче развелось превеликое множество, становилась его беспощадная, острая, как наточенный клинок, критика. С неистовством отстаивал он научную, природосообразную педагогику, очищая от налипших на неё «ракушек» — ниспровергателей, невежд. Вспомним такие блистательные его статьи: «Какая педагогика — такая школа» (1999, № 9), «Директор школы!

Открой для себя Макаренко!» (1999, № 10), «Государственный образовательный стандарт за 60 лет искалечил не одно поколение» (2000, № 2), «Как «воспитывающее обучение» оконча-

тельно изгнало из школы воспитание» (2000, № 8). Каждая из них направлена против самых сущностных, глубинных причин кризиса образования, ничего общего не имеющих с дежурным набором « фундаментальных противоречий», кочующим по официальным документам и многим статьям.

Валентин Кумарин убедительно показал, к каким преступным последствиям приводит небрежение врождёнными способностями детей, стремление учить «всех всему». Мы постоянно только и слышим о том, что та или иная «лично ориентированная» методика, технология, школа «учитывают» способности ребят, их возможности. Кумарин доказывает, что *только на их основе и можно выстраивать научную, природосообразную, эффективную педагогику, которая не будет губить здоровье подавляющего большинства детей, делая школу опасной для жизни. И даёт чёткий научный ориентир, как прекратить люмпенизацию страны, когда наученные кое-как и чему-нибудь невежды (в любой сфере — сервиса, промышленности, искусства, науки) занимаются спустя рукава тем, что им генетически не свойственно и потому не интересно, а значит и неэффективно.*

Ярая защита научной, природосообразной педагогики — прямая перекличка эпох, продолжение научного диалога Валентина Кумарина со своими предшественниками. В истории журнала эта тема неоднократно звучала на его страницах, начиная со статей великого русского педагога К.Д. Ушинского. В 1851 году преподаватель Главного педагогического института Н. Вышнеградский (к сожалению, тогда не принято было представлять авторов с их полным именем, должностью и научной степенью) опубликовал статью «Задачи педагогики как науки и способы их решения». Он пишет: «В настоящее время, когда в Отечестве нашем в состав высшего образования юношества вводится наука, исследующая законы и способы воспитания, нелишне будет занять внимание... рассмотрением того, какие вопросы относятся к области педагогики и какие пути прямо и надёжно ведут к их решению? ... Педагогика в настоящее время ещё не может похвалиться подобным сознанием, по крайней мере, сколько можно судить по большинству относящихся к

её области сочинений, в которых находим подробное предписание средств...» Автор отмечает, что средства эти даны «без всякого научного генетического оправдания, без химии и физиологии... Подобные сочинения, как всё неосновательное, шаткое и поверхностное, не приносят желаемой пользы...» Эту же мысль К.Д. Ушинский, выразил иными словами (Валентин Кумарин предположил её в качестве эпиграфа рубрике «Новое в науках о человеке», которую предложил журналу и три года вёл): «Если педагогика хочет воспитывать ребёнка во всех отношениях, она должна знать его во всех отношениях». И публиковал под этой рубрикой материалы о достижениях генетики, нейропсихологии, биохимии.

Что же касается природосообразности обучения и воспитания, то и здесь наши авторы разных эпох — единомышленники: «...Человек, являясь в мир, приносит определённое природо особое предрасположение к тем или другим деятельности... Каждый должен служить обществу теми способами, кои даровала ему природа...»

Этой проблеме, доказательству этой аксиомы (для генетиков это именно аксиома, а в педагогике её надо было мужественно отстаивать, доказывать очевидное с XIX века) Валентин Кумарин посвятил свои самые глубокие, острые научно-публицистические работы.

Некоторые его коллеги называли Кумарина экстремистом. Но экстремизм — это борьба против. Кумарин же каждой своей статьёй борется «за»: за природосообразное обучение и воспитание, за сильное, всецело основанное на врождённых способностях и интересах детей содержание образования, за природосообразные методики. Он боролся за то, чтобы из школы выходили здоровые молодые люди, чтобы «больные не рождали больных» и чтобы страна не доживала XXI век в инвалидной коляске. Пламенно утверждал значение для общества не только талантливых голов, но и «золотых рук». Отстаивал уважение к учителю, которому приходится решать изначально невыполнимую задачу — учить всех детей (генетически разных!) по единому учебному плану, ратовал за подлинный выбор школьниками траектории своего образования.

На страницах журнала уже звучала мысль о том, что Валентин Кумарин сделал своё дело: никто отныне не посмеет утверждать, что природосообразная педагогика — это буржуазное вулгаризаторство. Научная идея классиков педагогики, возрождённая им, проросла и даёт добрые всходы — защищены и защищаются диссертации по этой проблеме. А в «докумаринские» времена об этом нечего было и мечтать. Так что в который раз мы убеждаемся: и один в поле воин, если обладает принципиальной позицией, если борется за благое дело. Хотя убеждаемся и в другом: нет в своём Отечестве пророка — те, от кого зависит реальное изменение дел в образовании, не услышали учёного...

Понятие «стандарт» применительно к обучению ребят приводило его в творческую ярость, как и схоластика — прародительница современного шарлатанства в педагогике, в психологии. Шарлатанов сегодня развелось немеряно: «Сделаем из вашего ребёнка гения» (объявление, рассылаемое по школам подмосковной Балашихи), «Методику врождённой грамотности» придумала некая столничная дама в толстой самоиздатской книжице. И невдомёк ей, болезнью, что «методика врождённой грамотности» по силам только господу Богу да папёнке с мамёнкой. Но это — крайние проявления шарлатанства. А есть вполне легализованные и даже употребляющиеся в качестве научного термина: «воспитывающее обучение», «развивающее обучение». Вот когда перо Кумарина становилось обнажённым мечом! При этом он никогда не был одержим обличительством.

Отстаивая научные основы педагогики, он истово боролся за чистоту терминов. И основной к тому — предостаточно. Полистайте статьи учёных, методистов, а то и учителей, которых тоже поразил уже вирус наукообразия: «образование — это обучение»..., а «обучение — это образование, воспитание, развитие», «развитие — это формирование», а «формирование — это развитие». Сегодня мы воспитываем не человека, а личность, её психологические качества; не возвращаем способности, создавая для этого условия, а непременно «формируем» их (как металлические болванки при кокильном литье). Собирался Валентин Кумарин посвятить этому терминологическому винограду статью, взяв в союзики классиков и — не успел...

Через всю жизнь пронёс наш давний постоянный автор «одну, но пламенную страсть»: преклонение перед классиком научной, природосообразной педагогики Антоном Семёновичем Макаренко. Это его научный, педагогический и человеческий кумир с молодых лет и до последнего вздоха: перо выпало из рук, когда он поставил точку в статье, завершившей его творчество: «Макаренко, которого мы никогда не знали, или Куда реформировать школу» (2002, № 7). А до этого было ещё десятка два статей, анализирующих, раскрывающих научное и практическое богатство педагогики Макаренко, её эффективность во все времена, статей, беспощадно разоблачающих схоластов-«последователей», которые только и делали, что уводили нашу школу всё дальше и дальше от Макаренко. (За эту юношескую верность своему кумиру, за рыцарское служение его идеям мы в редакции в шутку называли Валентина Васильевича — Кумаренко.)

Как учёный, он знал, что постижение научной истины — процесс бесконечный, поэтому снова и снова обращался к трудам классиков научной, природосообразной педагогики — Коменскому, Локку, Дистервегу, Песталоцци, Макаренко, прочитывая в них смыслы и значения, ранее нам (да и ему, наверное) недоступные. Он не только постиг их, но и в высшей степени бережно переработал, аналитически осмыслил и вычленил самую суть — педагогическую, философскую, методологическую, научную квинтэссенцию. Так родились знаменитые «аксиомы» Коменского, Локка, Песталоцци, эти жемчужины научной мысли, которые учителям и всем причастным к педагогике так же необходимо знать, как школяру таблицу умножения. В этой уникальной, филигранной научной работе доктор педагогических наук, профессор Кумарин проявил себя как выдающийся мыслитель.

Его ум — системный, безукоризненно организованный, охватывал, вбирал в себя огромное количество разнообразных жизненных и научных явлений — экономику, политику, медицину, генетику, литературу, искусство. Всё это он постоянно подвергал системному анализу, что давало ему объёмное, голографическое знание жизни — без верхоглядства и дилетантского щегольства своей эрудицией. Меньше всего Кумарин-автор

стремился к самовыражению, на чём сейчас все просто помешаны. В педагогической (!) прессе то и дело читаешь о том, как «самовыражается» та или иная школа, что в одной из них «созданы условия для самовыражения 1474 учеников». Каково, а? Вспомнила в связи с этим карикатуру в старом «Крокодиле»: под вылупившимся из яйца цыплёнком — подпись «Самовыразился». И школа-то, наверное, хорошая, раз получила дипломы «Школа года», «Школа века» (следующий диплом, вероятно, будет «Школа околосолнечного пространства»?..). Очень давняя и, видно, неизлечимая это болезнь — претенциозность, стремление к оригинальничанью любой ценой — даже вопреки здравому смыслу, когда усердие ум преодолевает...

Так вот, Валентину Кумарину не нужно было «самовыражаться»: он писал только ради улучшения дела, торжества научной истины. Он не стремился быть интересным, он им был — в статьях, в книгах, в

дружеских и профессиональных беседах. Интересен не только мыслью, логикой, эрудицией — его статьи написаны чистейшим, образным русским языком, точно выражающим мысль автора: написал слово — как гвоздь вбил по самую шляпку. Редакторам практически нечего было править в его статьях — чистая высокопрофессиональная работа. Научно-кастальские игры были ему глубоко чужды, он оставлял их тем, чьи книги и «научные» труды служат обедом тараканам.

Журналисты всегда это знали, а Кумарин окончательно убедил нас: когда нечто невразумительное, логикой изложения напоминающее гречневую кашу — не из ядрицы даже, а из продела — выдаёт себя за сложную научную, философскую статью, для понимания которой надо окончить аспирантуру, знайте: это чистейшей воды туфта, бездарная подделка — «пудель, а стрижётся подо льва»... Чистота и образность русского языка никогда не снизят ценность подлинно научной статьи. Только «теретики» выморочные конструкции, выстро-

енные на песке наукообразного словоблудия, пишутся новоязом, напоминающим смесь сухой половы с битым стеклом. Кумарин не переставал восхищаться кристальной чистотой языка, смысловой прозрачностью статей Ушинского, Коменского, Песталоцци. К слову сказать, готовя этот выпуск журнала, и мы не переставали восторгаться языком его авторов — наших предшественников.

Приходилось иногда слышать от работников РАО о статьях Валентина Кумарина: «Это не наука, а публицистика». С такой ограниченной точкой зрения даже не хочется спорить: все мы были свидетелями того, как в 80-е годы прошлого века именно с публицистикой Николая Шмелёва, Юрия Черниченко, Василия Селюнина, Вадима Кожинова, Александра Казинцева прорвалось в сферу печатного слова свободное от идеологического и политического холуйства подлинно научное знание о самых различных сферах нашей жизни — экономике, политике, литературоведении. В педагогике эту роль выполнило творчество Валентина Кумарина, его научно-педагогическая публицистика, самим фактом своего существования повергающая в прах бесплотную, бескровно-импотентную имитацию мысли, маскирующую невежество создателей помпезных опусов, их полнейшую научную несостоятельность.

Перечитывая сегодня публикации нашего автора, открывая в них новые значения, поражаешься безукоризненной логике научных аргументов — без недомолвок, недосказанности и плеоназма, начинаешь понимать, что ещё долго придётся постигать их глубинный смысл. И почти физически ощущаешь масштаб влияния образования на все сферы нашего бытия, его социальную значимость — вплоть до государственной национальной безопасности. Воистину: какая педагогика — такая и школа, какая школа — такое и общество... И нечего на зеркало пенять — на скорохватов-олигархов, беспомощную Думу, нахраписто-корыстных лидеров сонмища продажных партий. Что посеяли, то и пожинаем... Всё это глубоко, до сердечной боли — в самом прямом, медицинском смысле — волновало Кумарина. А доказательство тому, что он прав, — гробовое молчание его ярых «устных» оппонентов: ни одного контрвыступ-

В. КУМАРИН

ПЕДАГОГИКА В ПУЧИНЕ СХОЛАСТИКИ

(МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ДИАГНОЗ)

ления ни в нашем журнале (хотя мы инициировали такую полемику), ни в других изданиях.

Ти-ши-на...

Когда-нибудь, даст Бог, появится исследователь, который вычленил бы из 200 научных публикаций, из книг Кумарина его собственные «аксиомы» — опорные научные мысли о причинах кризиса современной школы и педагогики, о путях его преодоления, о социальной опасности педагогического мифотворчества («воспитывающее обучение», «развивающее обучение», «формирование способностей» и т.д.), о единственном способе преодолеть шарлатанство всех мастей — противопоставить ему научную истину, — и тогда образовательное сообщество оценит по достоинству творческое подвижничество учёного-мыслителя. Впрочем, руководители школ, учителя давно уже услышали нашего автора и приняли его позицию: в школах Новосибирска и Нижнего Новгорода прошли педсоветы по его публикациям о здоровье детей, в Набережных Челнах, в Казани, в Красноярске на курсах повышения квалификации звучат его идеи, в редакцию приходили письма о том, что статьи Кумарина «изменили сознание педагогов». А в одной из ярославских школ оформлен стенд «От Коменского — до Кумарина», посвящённый принципам природосообразной педагогики и здоровьесберегающим технологиям.

...Свой путь в науку Валентин Васильевич начинал с «первых ступенек» — был учителем, затем директором отличной школы. Отсюда его интерес к практикам. Он был современником и другом таких ярких руководителей известных в стране школ, как Александр Католиков, Александр Захаренко, Сагид Шоубов, Иван Раздымлин, Григорий Кубраков. Он с ними встречался, переписывался, искренне восторгался их школами и никогда не смел мнить себя (знаю это определённо) более значимым, умным, стоящим «над» ними — только рядом!

Очень не хочется сводить образ столь глубокого, многогранного человека к парадной однозначности, «спрямлять» острые углы его характера. Он был сложным человеком и для друзей, и для близких. Но недостатки, как известно, продолжение наших достоинств. Кумарин был ин-

теллигентом до мозга костей — бескомпромиссным, честным, непреклонно верным своему научному миропониманию, глубоко презирающим честолюбивую пустоту, энергию нахрапистости, поверхностное скольжение по жизни.

Мудрец утверждал: человек стоит столько, сколько стоит то, за что он несёт ответственность. Сам, в одиночку, не дробя ответственность на бесконечно малые доли между... *Валентин Кумарин нес ответственность за судьбу всех школьников страны, за показатель её интеллектуальности, за профессионализм работников нашего цеха.* Он тосковал по тому времени, когда профессионалы станут предметом ажиотажного государственного спроса и мозги не будут «утекать» за границу. И он приближал это время, неистово борясь своим неистовым пером с люмпенами и недоучками всех мастей, начиная от сантехников и кончая учителями, учёными, политиками.

Горько становится на душе, когда думаешь, сколько бы он мог ещё сделать... Какие открытия подарил бы нам его мощнейший, с компьютерной точностью организованный ум... Но человек, увы, не властен над своей судьбой. Ослабляется утешаться одним:

...Он сделал всё, что мог,
Устоя жизни яростно взрывая.
И всё же не подводится итог,
Его, наверно, в жизни не бывает...

Особенно если речь идёт об интеллектуально интенсивной, блистательной жизни.

Адольф Дистервег, один из любимых научных собеседников Кумарина утверждал: «Счастлив тот, кого судьба привела к тому, к чему предназначила его природа. Счастлив он сам, счастливо через него и человечество».

Классик научной, природосообразной педагогики словно предвосхитил судьбу своего горячего поклонника...

Сумка, полная сердец...

«Патриархи» журнальных страниц и талантливый
«зелёный молодой народ»

Десятки раз задаю себе этот профессионально-сущностный вопрос: как рождается автор журнала? Из чего состоит сплав, образующий его «фактуру»? Из умения писать? Так вон какие монбланы (а то и эвересты) рукописей пылятся в каждой редакции, а на полосу попадают единицы. Из способности думать, видеть проблемы? Так это наша национальная черта — на каждой кухне по вечерам обсуждаются «вечные вопросы»... Что ни говори, а нет здесь исчерпывающей формулы. Слагаемые этого понятия не поддаются однозначному определению. У каждого автора есть некое сверхкачество, «метаспособность» — глубже других увидеть и осмыслить проблему, определить тенденцию, поделиться с коллегами опытом, размышлениями. Обострённая профессиональная и гражданская интуиция помогает им почувствовать, что злободневно, что «жжёт» пальцы, а то и сердце, что интересно и нужно другим...

Авторы журнала с XIX по XXI век — это мощный поток индивидуальных энергий, размышлений, опыта. Они — душа любого издания, его глаза и уши, его коллективное интеллектуальное и духовное достояние. Наш авторский актив — порождение педагогической мысли и практики, широкий спектр талантливых имён, каждое из которых несёт в себе некое открытие, неповторимое своеобразие. Все они — отражение живого профессионального мировосприятия, которое задавало тон и педагогической практике, и редакционной деятельности в течение двух веков и последних десятков лет. Все они прошли хорошую профессиональную и жизненную школу, истово и с любовью делают своё главное дело — учат ребят, переживают победы и поражения и при этом щедро дарят людям свои мысли, открытия, своё сокровенное. Сами того не сознавая, они многому учат нас, побуждая редакцию думать, искать, сомневаться и... во многом меняться. Всё это богатство идей, технологий, дум и чувств — некий яркий комплекс педагогических и социальных ре-

алий, профессиональное и хроникальное удостоверение времени. Горе той редакции и редактору, которые смотрят на авторов, как на досадливые помехи в своей повседневной редакционной сутолоке! Как бы ни морщили сотрудники журнала свои лбы в творческом изнеможении, а без авторов ни одному печатному изданию не жить...

Так хочется о каждом из наших нештатных корреспондентов рассказать хотя бы в жанре коротких персоналий. Но как это сделать, если в каждом выпуске журнала — от 40 до 50 имён?! Поэтому воспользуюсь образом талантливого прозаика: это послесловие станет своеобразной «сумкой, полной сердец», как стал ею и журнал «Народное образование». Ваших сердец, наши дорогие соратники по перу, с которыми мы вместе на журнальных страницах «пожизненно в подручных у слова состоим». Мы бережно поместили каждого из вас в своих сердцах, вы стали органической частью не только нашей редакционной, но и личной жизни: мы звоним вам в любое время, в любой день — рабочий ли, воскресный, мы обращаемся к вам с различными просьбами, дружим не только на журнальной полосе, но и, что называется, домами и диванами...

Легкомысленное человечество в оправдание своей душевной лени и чёрствости придумало утешительную пословицу: что имеем — не храним, потерявши — плачем... Дескать, так уж повелось. Но потому и нет в Отечестве пророка, что мы всё спешим, всё нам недосуг глубоко посмотреть в глаза друг другу, не спеша прикоснуться к душе: что там, в этом заветном тайнике? Так нет, подготовил статью к печати, и снова — вперёд, без оглядки, в режиме «pop stop»... Тонким женским сердцем почувствовав нравственную пагубность этой поверхностности общения, этого жизненного «бега без оглядки», поэт Ирина Снегова предупредила нас:

Дарите цветы друг другу —
Сейчас, сегодня, пока мы живы!..

Пусть не роскошные цветы, а хотя бы добрые слова, хотя бы сердечный отклик на глубокую мысль, интересное слово и дело... А то ведь можем не успеть: «сроки отмерены скупой и строго». Увы, мы многое уже не успели.

Хотели пригласить в редакцию академика РАН Олега Николаевича Трубочёва — одного из самых блистательных современных славистов, хорошо известного лингвистам мира. В конце 80-х годов он завершил работу над первыми сборниками статей своего грандиозного национально-культурного проекта — «Русская энциклопедия». Мы гордимся тем, что первые её материалы опубликованы на страницах «Народного образования». Потом Олег Николаевич прислал в редакцию свою статью-жемчужину о происхождении названия нашей Родины — «Россия, Русь...». В то время он параллельно работал над другим своим фундаментальным замыслом, который вынашивал со студенческих лет и сумел завершить — 30-томным «Этимологическим словарём славянских языков», готовил доклад к очередному съезду славистов. Мы и решили тогда поговорить о значении славистики для судеб русского языка, культуры, образования России. Он дал согласие, но... встреча так и не состоялась: осенью прошлого года Олега Николаевича не стало. И остался только след в журнале...

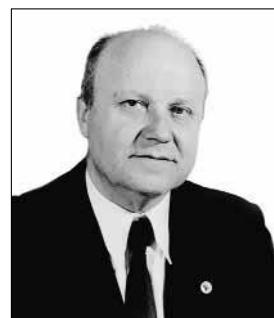
На авторов-лингвистов журналу везёт, и в этом — прямое продолжение традиции: в XIX веке с ним сотрудничал выдающийся лингвист И.И. Срезневский, а в XX веке — академик О.Н. Трубочёв и доктор филологических наук, профессор, автор многих популярных книг по культуре речи Лев Иванович Скворцов. Его статьи о современном русском языке, о молодёжном сленге, о духовной ущербности людей, которые «ботаю по фене», — страстное послание учительству, нравственно-методические рекомендации крупного учёного, проректора Государственного Литературного института им. М. Горького.

Учителям литературы и русского языка адресованы и статьи нашего давнего автора-лингвиста Юлии Хаустовой: «Остапово: семь горестных дней» (1990, № 11), «В поисках «зелёной палочки» (о слёте школ им. Л.Н. Толстого и школьных музеев писателя — 1996, № 9), «Толстой вечен, постижение его только начинается» (2000, № 8), «Русская лексикография: прошлое, настоя-

щее, будущее» (2000, № 2). Эти статьи — прекрасное дополнение к уроку словесности. Вместе со своим педагогом — выдающимся лингвистом, академиком РАН Виктором Владимировичем Виноградовым — Юлия Фёдоровна стояла у истоков создания одного из ведущих мировых лингвистических журналов «Вопросы языкознания», в котором проработала 14 лет и которому в прошлом году исполнилось полвека.

К патриархам журнальных страниц с полным правом относим мы школьную учительницу из подмосковного города Жуковского Ларису Никифоровну Захарову. Около 40 лет творчески связана она с журналом, ездила в командировки по заданию редакции как её специальный корреспондент. Лариса Никифоровна — приверженец одной-единственной темы: нравственное становление молодого человека. Когда началась аритмия времени, когда полновластье мнимой демократии привело к духовному искалечению народа, обильно питаемого суррогатом «искусства» и моральными ядами, она осталась одним из тех людей, которых миновал распространённый ныне недуг — абберрация зрения: они перестали различать, что хорошо, что плохо, где добро, где зло. В статьях Ларисы Захаровой («На выпускном вечере» — 1991, № 6, «Не-нужный учебный предмет — доброта» — 2001, № 4 и других) звучит учительская и гражданская боль и тревога о том, что воспитание человечности как самый главный предмет в школе практически отсутствует. Отсутствует он и в семье. И это при наших пустозвонноголосых декларациях о «лично-ориентированной парадигме», о «гуманистической миссии школы» и прочей ни к чему не обязывающей трескотне.

Вот самый свежий пример. В школе «юные отморозки» избивают девочку за то, что она не похожа на других, не такая, как все, за то, что добра и всему классу привозит сувениры. А когда род-

О.Н. Трубочёв

Л.И. Скворцов

Ю.Ф. Хаустова

Л.Н. Захарова

ные пожаловались классному руководителю, то в ответ услышали: «А вы заберите её домой или переведите в другую школу...» Вот и вся «гуманистическая миссия...» Так что статьи Ларисы Никифоровны не утратили ни на йоту своей актуальности, даже — напротив.

И тем не менее она свято верит в то, что школа сможет противостоять дальнейшему одичанию общества (хотя, кажется, дальше уже некуда). Верит, что изнурительная борьба со злом — не бесплодна. Добро должно подниматься, набирать вес на собственных дрожжах, тогда его будет становиться всё больше и больше, оно заполнит собой всё пространство и вытеснит зло из нашей замусоренной житейской квашни.

...Когда-то на редакционной летучке в «Учительской газете» Симон Соловейчик сетовал на то, что очень трудно писать «об одном и том же каждый день», что с пера слетают стандартные, банальные фразы. И это Соловейчик — мэтр педагогической журналистики! Думаю, что он тогда

слегка лукавил: школа, образование — это сама жизнь (в недавние времена 45% населения СССР постоянно училось — в школе, в вузе, на множестве курсов — почти половина страны!). А жизни однообразие чуждо по определению, такие сюжеты и сюжеттики выстраивает, что дух порой захватывает — самые талантливые фантасты и мажорные реалисты выглядят перед ней дебютантами.

...С коротких методических статей начал контакты с читателями журнала красноярский учёный, доктор педагогических наук Виталий Кузьмич Дьяченко, автор-разработчик коллективного способа обучения. Сегодня эта технология обрела сотни последователей. А в 80-е годы учителя только узнали о преимуществах работы школьников в «парах сменного состава». Публикация вызвала отклики, в редакции раздавались звонки, приходили письма с просьбой — продолжить рассказ об этом способе обучения. Из этого маленького «ручейка» родился поток идей, новая технология, новая дидактика, что нашло наиболее полное воплощение в одноимённой книге, изданной редакцией «Народное образование». К слову сказать, для многих авторов журнал зажёг «зелёный огонёк» не только на пути к постоянному сотрудничеству, но и к книге.

О каждом из наших авторов можно писать полноценный педагогический очерк. О Вере Романовне Ильченко и её молодом соавторе Константине Гузе. Они проделали работу, которая по силам научно-исследовательскому институту: разработали авторскую модель образования, основанную не на внешних способах «интеграции» (литература, дополненная музыкальными фрагментами), а на глубинной интеграции, что базируется на общих закономерностях природы (10 тысяч различных понятий, терминов, законов,

Вот только несколько изданий, которые (мы это знаем) заняли достойное место на книжных полках учителей страны:

- ◆ Герман Константинович Селевко — «Современные образовательные технологии», 1998 г., серия книг о технологии самовоспитания, 2000 г.
- ◆ Виталий Кузьмич Дьяченко — «Новая Дидактика», 2002 г.
- ◆ Вера Романовна Ильченко — «Логика природы», 2002 г.
- ◆ Всеволод Николаевич Зайцев — «Практическая дидактика», 2000 г.
- ◆ Ирина Яковлевна Медведева, Татьяна Львовна Шишова — «Наследники царя Ирода, или Планирование небытия», 2002 г.
- ◆ Филарит Шарипович Терегулов — «Материя и её сознание», 2002 г.
- ◆ Нина Александровна Опарина — «Школьный театр», 2002 г.

К.Ж. Гуз и В.Р. Ильченко

И.Я. Медведева и Т.Л. Шишова

которые должны усвоить школьники, сведены к 50 фундаментальным законам природы). В школах Украины эта новаторская модель — «Логика природы» («Довкілля») — включена в типовый учебный план как новый предмет III тысячелетия.

Читатели журнала по достоинству оценили острую социально-педагогическую публицистику Ирины Яковлевны Медведевой и Татьяны Львовны Шишовой, которые помогают учителям прививать своим питомцам информационный иммунитет, неприятие пошлости, способа жить, «под собою не чужа страны», против крайнего индивидуализма как разновидности нравственного уродства. Своими статьями («Демографическая война против России» и «Эбьюз нерушимый» — 2000, № 1, 3, «Корысть и profit», «Мнимое противостояние» — 2001, № 1, 4, «Вся жизнь — сплошная опасность» — 2002, № 6 и др.) члены Союза писателей России И. Медведева и Т. Шишова убеждают читателей: нельзя постоянно жить в ситуации выбора, когда-то этот выбор надо сделать. Таков русский менталитет, такова, наконец, позиция нормального человека без кликушеских метаний в стремлении угодить «и нашим, и вашим». И здесь точка зрения наших авторов совпадает с позицией одного из ведущих современных политологов России Виктора Гущина, который утверждает: «Мы сильны и удовлетворены только тогда, когда всё чётко и ясно: вот добро, вот зло, вот царь, вот народ, вот Бог, а вот порог. Переходные состояния, единство «борьбы противоположностей» — не для русского человека».

Ирина Медведева и Татьяна Шишова убедительно показали: сильнейшие эмоции противоборства бушуют не только вокруг денег и власти. Педагогика, воспитание молодого поколения стали сегодня ареной противоборств. Как, впрочем, и всегда были ею.

В плеяде патриархов журнальных страниц — академик РАО Геннадий Никандрович Волков с его «пожизненной» и крайне важной для воспитания юношества темой этнопедагогике. Члены-корреспонденты РАО, директора известных в стране школ Владимир Абрамович Караковский и Евгений Александрович Ямбург. Глубокий аналитик, эрудит, борец с «образовательным пошехоньем» на всех уровнях Юрий Васильевич Крупнов, в статьях которого клокочет несмолкаемая, непреходящая боль за школу, образование, его нищенское состояние и не по причине отсутствия денег, а потому что «ума у

нас нет». Среди наших давних авторов — доктор педагогических наук Яков Семёнович Турбовской. В своё время «Народное образование» стало трибуной, с которой учителя и методисты узнали о технологии обобщения передового опыта на диагностической основе. Неутомимый Всеволод Николаевич Зайцев всегда «сваливается» в редакцию как снег на голову из очередной творческой поездки (Бог весть куда!), где скрупулёзно изучает педагогическую ситуацию, помогая учителям осмыслить основные «болевы точки» и находить пути их преодоления. Его публикации зовут руководителей образования и учительство к овладению диагностическим мышлением как необходимым способом управления.

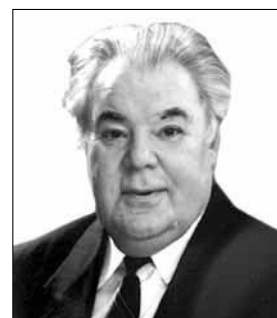
Называть славные имена нашего авторского «патриархата» можно очень долго...

Низкий вам поклон, коллеги, за вашу многолетнюю верность профессии и журналу, гражданскую страстность, компетентность и душевную боль за наше общее дело.

Двести лет, согласитесь, возраст почтенный. И если журнал «Народное образование» не дряхлеет, как «контигент» социального приюта для престарелых, то лишь потому, что постоянно идёт смена поколений и наших «патриархов» уже теснит «зелёный молодой народ». Громко и уверенно звучит его авторский голос.

Наверное, запомнились читателям журнала статьи Натальи Марковой и Сергея Расторгуева — молодых авторов, информированных, кажется, обо всём на свете. Директора школ и завучи наверняка обратили внимание на публикации своих коллег, кандидатов педагогических наук Ирины Николаевны Щербо (Москва) и Аллы Викторовны Курбатовой (подмосковный город Дмитров).

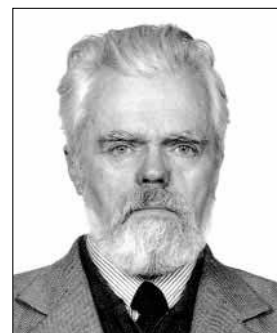
Темпераментные публикации доктора педагогических наук Александра Александровича Мурашова убеждают в

В.А. Караковский

Ю.В. Крупнов

В.Н. Зайцев

В.Н. Давыдов

С.В. Белова

важности невербального общения, в необходимости быть для ребят лидером и показывают, что для этого надо.

Тонкая, лиричная Светлана Владимировна Белова, в совершенстве владеющая драматургией психологического общения с ребятами, раскрывает учителям секреты этого искусства. Кандидат экономических наук Анатолий Вифлеемский даёт квалифицированные советы руководителям школ, как грамотно вести хозяйственную деятельность, как взаимодействовать с налоговой инспекцией. Очень актуальные это темы!

Совершенно уж в последнее время судьба свела журнал с нашим новым (и теперь уже постоянным!) автором Арсением Замостьяновым, молодым человеком, который не перестаёт удивлять своей социальной зрелостью, определённой позицией, профессиональным пером. От первых статей он быстро вырос в летописца журнала: стал одним из авторов работы, с которой вы только что ознакомились.

Талантливым публицистом с широким диапазоном интересов зарекомендовал себя недавно пришедший в журнал Владимир Давыдов, воплощающий всей своей сутью понятие «человек чести». Отсвет его личности лежит на его публикациях о трудовом воспитании молодёжи, о военной педагогике как составной части общего педагогического процесса.

В какой-то степени своими статьями, своими профессиональными пристрастиями наши авторы ответили на вопрос о том, как они рождаются, как становятся постоянным активом:

что-то взволновало их в профессиональной жизни, задумались, написали и... остались с журналом. В общем-то всё очень просто...

Назвала лишь некоторые имена людей, которых наши читатели уже хорошо знают. Но для редакции каждый автор — будь он патриархом ли, молодым, постоянным либо «разовым» — одинаково дорог, его присутствие на страницах журнала всегда желанно, общение с ним — радостно.

Всего одну статью опубликовали пока завуч Майя Латыпова из Набережных Челнов, заместитель ректора Московской гуманитарно-социальной академии Светлана Щеглова, писатель Валерий Алексеев, министр народного образования Республики Бурятия Сергей Намсараев, которого мы по ошибке назвали в 10-м выпуске журнала за прошлый год министром Башкортостана, за что приносим искренние извинения Сергею Намсараеву, Галии Мухтаровне Мухамедьяновой и читателям журнала. (Мы знаем, кто руководит образованием в субъектах Федерации — в этих пределах мы информированы — но ведь давно известно: ошибка, если захочет, десять глаз проскочит!)

Так вот, даже одной своей статьёй авторы запомнились, и мы ждём с ними новых творческих встреч.

Знаем: ходят ещё где-то, успешно трудятся наши потенциальные, «завтрашние» авторы, пока «не открытые» нами. Но тоже — ожидаемые с радостью и нетерпением!

* * *

У жизни и у времени есть одно непостижимое свойство: их непрерывность, их вечная «продолжаемость» (простите за корявый неологизм!). Двести журнальных лет — отнюдь не завершение пути. Нет, повторю, на этом пути верстового столба, у которого можно было бы поставить точку, а дальше — творческая «тишина», чистые страницы...

Когда-нибудь и нынешняя авторская молодёжь станет патриархами, и на смену ей придут новые поколения летописцев образования и журнала. И кто-то уже в ХХII веке раскроет его страницы, как мы раскрывали их весь прошлый год, готовя этот выпуск, пристально станет всматриваться в темы статей, погружаться в мысли, вслушиваться в нашу жизнь, в наше время. И тут уж все мы — и сотрудники редакции, и внештатные авторы журнала — одинаково беззащитны перед мнением потомков, перед их строгой оценкой.

В каждой своей строчке мы подвластны их грядущему суду...

И.Н. Щербо